

В. И. АЛАТЫРЕВ (Ижевск)

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ УДМУРТСКИХ СЛОВ

биран 'обжора, ненасытный, прожорливый (человек)', (перен.) 'плохой, скверный, негодный'; по нашим данным, функционирует в урсыгуртском говоре (Бавлинский район, Татарская АССР): *биран, быдэс тусьты шыдэз сииз* 'обжора, полную миску супа съел'. Были попытки объяснить его как русское заимствование, произошедшее от собственного имени *Бирен* (или *бирановщина*).¹ На наш взгляд, такое толкование не соответствует действительности. Слово *биран* попало в урсыгуртский говор непосредственно из татарского языка, где звучит *бирән* 'обжора, чревоугодник', *бирән корсак* 'ненасытный человек; человек с безнадежно вздутым животом', *бирәнлек* 'обжорство, чревоугодничество, ненасытность', *бирәнләниү* 'объедаться, объесться, обжираться, обожраться; обжорство' (Татарско-русский словарь, Москва 1966); *бирән* 'человек с большим животом (от водянки), обжора; водянка' (В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий I—IV, Санктпетербург 1893—1911, т. IV, ч. II, стр. 1750). Некоторые тюркологи это слово в татарском языке считают чувашским или древнебулгарским заимствованием (Р. Ахметьянов, Этимологические основы лексики татарского языка, Казань 1970, стр. 46); ср. чув. *пыран* 'прожорливый, жадный'. Но фонетически удм. *биран* тяготеет к татарскому.

тубыны 'подняться, взобраться, залезть': *гурезь йылэ тубыны* 'подняться на гору', *кызыпу йылэ тубыны* 'залезть на вершину березы'; *ëiñ inmarä tuboz* (Munkácsi 382) 'дым поднимается на небо'. От основы *туб-* образованы производные: *тубат* 'лестница', *тубон* 'подъем, восхождение'. И. Буденц это слово сравнивал с венг. *tapodni* 'топать', *taposni* 'попирать ногами, топтать; трамбовать', хант. *tuba, tupa* 'копыто', мар. *тошк-, ташк-* 'топать, потоптать, утопать' (J. Budenz, Magyar-ugor összehasonlító szótár, Budapest 1873—1881, стр. 179—180). Однако позднее эта этимологическая связь лингвистами не была принята. Венг. *tapodni* вполне обосновано, на наш взгляд, стали сопоставлять с фин. *tapraa* 'убивать, крыть, побивать', *tapella* 'драться, сражаться, биться', коми *тапкӧдны* 'хлопать, похлопывать; отлупить', саамн *däppat*. В это этимологическое гнездо удм. *тубыны* не включается (G. B á r c z i, Magyar szöfejtő szótár, Budapest 1941, стр. 301; SKES IV 1229—1230). Г. Барци (G. B á r c z i, Magyar szöfejtő szótár) и В. И. Лыткин (В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 166) с на-

¹ Бирон — оберкамергер при дворе царицы Анны Иоановны, известный своей жестокостью.

званными венгерскими, финскими и коми словами сравнивают удм. *тапыртыны* 'топтать (ногой)', причем В. И. Лыткин фин. *tappa* приводит под вопросом; см. об этих же сопоставлениях у Т. Лехтисало (Т. Lehtisalo, Über die primären uralischen ableitungssuffixe (= MSFOu LXXII), Helsinki 1936, стр. 24). При сопоставлении фин. *tappa* с коми *тапортыны* и венг. *tap, tor*, удм. *тапыртыны* не приводится, но отмечается, что ономотопозитический корень *тан-* (*тана-*) встречается и в алтайских языках в значении 'бить, ударять, колоть' (SKES IV 1230). Удм. *тубыны*, по-видимому, представляет собою древнее тюркское заимствование, ср. якут. *дабай* 'всходить, подниматься на гору', чагат. *дабан* 'горный проход, перевал', восточнотюркское *даабан, дааван*, узб. *даван*, якут. *дабаан* 'путь на гору'. Данные тюркские слова М. Ряснен считает монгольскими заимствованиями, ср. монг. *daba* 'переходить через что-либо' (Räsänen 129). Семантически и фонетически сопоставление удм. *тубыны* с приведенными тюркскими словами вполне приемлемо (Y. Wichmann, Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen sprachen (= MSFOu XXI), Helsingfors 1903, стр. 1—2).

тудву 'половодье, разлив воды, паводок' — сложное: *туд-* и *-ву* 'вода'. Первая часть в современном литературном языке самостоятельно не употребляется, но входит в структуру глаголов с суффиксами *-м* и *-з*: *тудмыны* и *тудзыны* 'разлиться (о реке, речке, об озере и т. д.)'. В диалектах *туд* функционирует отдельно. Т. Борисов приводит *туд* 'разлив' (Т. Борисов, Толковый удмуртско-русский словарь, Ижевск 1932, стр. 286) без указания на территориальные диалекты. Слово общепермское. Удм. *туд-* закономерно соответствует коми *тод* 'сырое место, заросшее кустарником и елками' (Коми-русский словарь, Москва 1961); вв. вым. лет. печ. уд. *тод* 'болотистое место с низкорослым еловым лесом'; печ. *тод карта* 'очень грязный, обильный навозом, топкий хлев'; сс. *тод* 'кочковатый сырой луг' (Сравнительный словарь коми зырянских диалектов, Сыктывкар 1961, стр. 370). Ю. Вихманн и Т. Утила приводят коми *тод* 'высохшее болото, болото, болотистое место', но без ссылок на удмуртские параллели (Y. Wichmann, Syrjänsches Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre, Helsinki 1942, стр. 279), хотя обычно делают это. Данное слово в форме *ту-* сравнивается с *тулыс* 'весна', ср. фин. *touko* 'яровой посев', *toukokuu* 'май', венг. *tavas* 'весна', хант. *тоги* (J. Szinyei, Magyar nyelvhasznítás, Budapest 1927; Т. Е. Утила, Syrjänische Chrestomathie mit grammatischem Abriss und Wörterverzeichnis, Helsinki 1938; В. Collinder, Fenno-Ugric Vocabulary, Stockholm 1955); хант. *горем* 'весна', эрз. *tundo*, мокш. *tunda* 'весной' (К. Rédei, Szófejtések. — NyK LXVIII 1966, стр. 425). К. Редей возводит его к общеперм. **tu-* < общеф.-у. **towkэ-* 'заливать, затоплять'. Этой же точки зрения придерживаются В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев (В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва 1970, стр. 286). Если гипотеза о связи *туд-* (коми *тод-*) и *тулыс* верна и древним пермским археотипом их является **tu-* (вернее, **to-*), то придется признать, что элементы *-д-* (*туд-*, *тод-*) и *-л-* (*тулыс*) представляют собою суффиксы, ср. об архаическом суффиксе *-д-*: удм. *гу* 'яма' — *гудыны* 'копать, вырыть'; коми *гу* 'яма, могила' — *гуавны* 'зарыть, закопать, похоронить', *гудыны* 'копать, рыть, ковырять'.

укишаны, ушаны 'стать похожим, походить, иметь сходство; нравиться'. Форма *уша-* встречается в малмыжско-уржумском и казанском диалектах, *укиша-* — в сарапульском (ср. Munkácsi; Y. Wichmann, Zur

Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrgjänische, Helsinki 1915, стр. 31). Т. Борисов приводит только *ушаны* 'нравиться': *та арбери мынам көтам ушаз* 'эта вещь мне понравилась'. Удмуртско-русский словарь (Москва 1948) дает только *укшаны* 'походить, иметь сходство; нравиться'. То же в русско-удмуртском словаре (Москва 1956). В художественной литературе встречаются обе формы. В удмуртский язык они вошли из тюркских языков, точнее, из татарского (Munkácsi), где данный глагол тоже имеет две формы: *оша* и *охи*: *ошату* 'уподоблять, считать похожим, принимать за кого-нибудь; одобрить; нравиться', *ошау* 'походить, быть похожим; нравиться' и *ошау* 'нравиться, понравиться, приглянуться, прийти по вкусу; походить, быть похожим, подобным, уподобляться, сходствовать' (Татарско-русский словарь, Казань 1931, стр. 209—210). В татарско-русском словаре (Москва 1966) к слову *оша* делается ссылка «см. *ошаиш*» ('похожий, подобный, сходный, аналогичный; похоже, подобно, сходно, аналогично'); у В. В. Радлова: 1) *ошкаш* шорск. 'похожий, подобно', *ошко* телеут. куманд. 'быть подобным, похожим'; 2) *окша* таранч. уйг. 'быть подобным, похожим' (В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, ч. I, стр. 1002, 1005—1006). Ср. в других тюркских языках: башк. *окшау* 'походить, быть похожим, подобным; нравиться', *окшаиш* 'похожий, подобный, сходный; подобно, сходно, аналогично' (Башкирско-русский словарь, Москва 1958, стр. 413); кирг. *окшо-* 'быть похожим; походить, уподобляться', *окшош* 'похожий, подобный, одинаковый' (Киргизско-русский словарь, Москва 1940, стр. 326); ойр. *ошкош* 'похожий, подобный; похоже, подобно' (Ойротско-русский словарь, Москва 1947, стр. 118); азерб. *ошамаг* 'походить, быть похожим, схожим, подобным' (Азербайджанско-русский словарь, Баку 1939, стр. 160). В тюркологии считается, что корнем этого слова является *-оq-*, *оq-*, ср. древнетюрк. *оqša-* 'походить, быть похожим' (Древнетюркский словарь, Ленинград 1969, стр. 374; Э. В. Севортян, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, Москва 1966, стр. 140—142; В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий I—IV).

Функционирование двух форм одного глагола в удмуртском языке (*укшаны* и *ушаны*) объясняется тем, что в одни диалекты вошла татарская форма *оша-*, в другие — *оша-*. Фонетическое изменение тат. *о* (в первом слоге слова) > удм. *у* — вполне закономерное явление, ср. тат. *олау* 'обоз, подвода' — удм. (диал.) *улол*, *улоу* 'подвода' (Т. Борисов, Толковый удмуртско-русский словарь), тат. *олтан* 'подошва, подметка' — удм. *ултон* то же, тат. *очрак* 'случай', *очрау* 'попасться навстречу, встречаться; встреча' — удм. *учыр* 'момент, случай', *учыраны* 'попасть, попадаться на глаза'. Ср. рус. *окно* — удм. *укно*, рус. *кольцо* — удм. *кульчо* и т. д. Следовательно, тат. *оша-* и *оша-* в удмуртском языке стали *укша-*, *уша-*. Ввиду того, что сфера распространения *ушаны* и *укшаны* в народном языке не выявлена, в удмуртском правописании допускается их факультативное употребление. Тем более, что для носителей диалектов, где говорят *укшаны*, форма *ушаны* понятна.

эмгек, *энгек* 'досадно, прискорбно; черт подери, черт побрал', сравнительно редко 'горе, печаль, беда, несчастье'. Это слово больше употребляется в говорах южного диалекта и в некоторых периферийных диалектах, например, в урсургуртском говоре — *энгек* и иногда *эмгек*. Оно встречается и в художественной литературе. Слово представляет собой тюркское заимствование: тат. *имгэк* 'время, обуза, беда' (Татарско-русский словарь). Слово общетюркское, ср. кирг. *эмгек*, узб. *эмгак*, азерб. *әмәк*, тур. *эмек*, чув. *инкек*, *инкек-синкек* 'несчастье, беда, ущерб,

вред, убыток, пагуба, гибель, бедствие, злосчастье; пропажа, утрата; болезнь; смерть' (В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964, стр. 25, 70).

В древнетюркских языках *emgäk* 'мучение, тягость', *emgä-* 'мучиться', *emgäklig* 'страдающий, горестный' (Древнетюркский словарь, стр. 172); *ämgäk* 'трудность, мучение', *ämgäклик* 'мучение', *ämgät-* 'мучить, изнувать' (А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв., Москва 1963, стр. 76).

В отношении этимологии данного слова среди тюркологов нет полного согласия. В. В. Радлов кирг. *энгбäk* 'сгорбленный; ползание на четвереньках; труд, работа' объясняет так: *эг+мäg* 'гнуть, согнуть, нагнуть', и по его мнению, эта форма путем метатезы изменилась в *ämgäk* 'ползание детей; труд, хлопоты, мучение, беда' (В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, ч. I, стр. 719, 960). По мнению М. Рясянена, это слово в тюркских языках содержит две служебные морфемы: возвратный суффикс *-n* и суффикс *-k*, образующий имя от глаголов, ср. шор. *äñä-n* 'нести на плечах', якут. *äñä-χ* 'нести что-либо двоим на плечах', *äñtä-ni* 'ослабевать'. Этот же суффикс *-k* выступает в уйг. чагат. караим. *ämgä-k* 'ползание детей', шор. *ämä-k* 'ползание', уйг. *ämgä-k* 'напряжение, нужда, беда', казах. *eñbä-k* 'хлопоты, труд', баш. *imgä-k* 'затруднение', чув. *ата-k* 'эпилепсия, спазма' (Räsänen 42).

В. Г. Егоров считает, что чув. *инкек* происходит от *амга* 'мучиться, испытывать бедствие' (В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, стр. 70). На связь *ämgä-k* ~ *äñgä-k* с чув. *ата-k* указывал и М. Рясянен (Räsänen 42).

Если принять положение М. Рясянена о том, что *эмгäk* ~ *энгäk* содержит суффикс *-k*, образующий имя от глаголов, то диахронически и удм. *эмгек* ~ *энгек* имеет этот суффикс. Но эта морфема в удмуртском не осмысливалась и не осмысливается как словообразующий формант. Она является органически неотделимой частью целого слова.

Форма *энгек*, очевидно, непосредственно вошла из чувашского языка, ср. чув. *инкек*, как и мар. *энгек* 'беда' (М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, Чебоксары 1965, стр. 80). Форма *эмгек* могла войти в удмуртский из татарского языка (*имгäk*). Но не исключена возможность, что удм. *эмгек* < чув. *инкек*. Удм. *эмлек*, на наш взгляд, представляет собою метаморфозу формы *эмгек* > *эмлек*. Эта форма зафиксирована Видеманом (F. J. Wiedemann, Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register, St. Petersburg 1880, стр. 474), а затем (со ссылкой на него) у Б. Мункачи (Munkácsi 36). Из этих словарей оно, по-видимому, попало в современные, но с другой семантикой. У Ф. И. Видемана *emlek* 'Leid, Elend, Schaden'; то же у Б. Мункачи. У Т. Борисова *эмлек* 'нежный' с пометой ср. (срединный диалект).

Чем объяснить разные значения этого слова? Значения 'досадно, прискорбно' могут быть связаны с 'горе, печаль, беда, несчастье', т. е. семантика последних исторически может дать семантику первых. Точно также семантика 'горе, печаль, беда, несчастье' может развиваться в 'хилый, болезненный', а последние дать 'неженку' ('нежный'). Однако вполне допустимо, что составители современных словарей неточно дали перевод семантического толкования этого слова Ф. И. Видеманом или Б. Мункачи. На эту мысль наталкивают и русско-удмуртские словари (например, 1942 и 1956 гг.), в которых слова *нежный, хилый* и *болезненный* не переводятся словом *эмлек*.

Сокращения

Munkácsi — В. Munkácsi, A votják nyelv szótára, Budapest 1896; **Räsänen** — M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen, Helsinki 1969.

V. I. ALATYREV (Iževsk)

ETYMOLOGIEN VON EINIGEN UDMURTISCHEN WÖRTERN

Im vorliegenden Artikel wird die etymologische Analyse einiger udmurtischer Wörter gegeben. *биран* 'Vielfrau, gefräßig; schlechter, böser Mensch' < tat. *бирән* id. *тубыны* 'steigen, klettern, kriechen' ist eine alte Entlehnung aus den Turksprachen, vgl. z. B. usb. *даван* 'Weg auf den Berg', jak. *дабаан* id. *тудву* 'Hochwasser, Flut' ist ein zusammengesetztes Wort. *туд-* bezeichnete ursprünglich ein Moor, eine feuchte Stelle, eine Überschwemmung. *укишаны* ~ *ушаны* 'ähnlich werden, ähnlich sein', die beiden Wörter wurden verschiedenen Dialekten des Tatarischen entlehnt, vgl. tat. *ошау* id. *энгек* ~ *эмгек* 'bedauerlich, peinlich, traurig' < tat. *имгәк* 'Last, Bürde, Elend, Not'.

Подобительно-волевыражающими называют слова, посредством которых человек влияет на поведение, направляет действие другого человека или животного. Слова эти многочисленны, решение их этимологии, а также связанных с ними словообразовательных, семантических, коммуникативных вопросов сложное. Особенно остро это ощущается при рассмотрении подобительно-волевыражающих слов, посредством которых человек осуществляет коммуникативную связь с домашними животными.¹ В данной статье рассматриваются подобительно-волевыражающие слова, относящиеся к домашним птицам. Анализированы слова, собранные нами в следующих населенных пунктах восточной Закарпатской Украины (= Выш) — Хустского района; Тячеве (= Тяч), Округла (= Окр), Солотвино (= Сол) Тячевского района; Великий Бичків (= Бич), Кобыляцкая Полтва (= КобП), Деловце (= Дел), Рахов (= Рах) и Яремча (= Яс) Раховского района.

1. Подымяние для цыплят: *сик-сик-сик-сик*, *сик сик сик сик* (Выш), *сип-сип-сип-сип*, *сипи сипи сипи сипи* (Тяч), *сип-сип-сип-сип*, *сипи сип-сип-сип-сип* (Окр), *сип-сип-сип-сип*, *сип сип сип-сип-сип*, *сипицик сипи сип сип* (Сол), *сип-сип-сип-сип*, *сипукак сипукак сипукак*, *сип-сип-сип-сип* (Тяч), *сип-сип-сип-сип*, *сипукак сип-сип-сип* (КобП), *сип-сип-сип-сип*, *сипука сипука сип-сип-сип* (Дел), *сип-сип-сип-сип*, *сипи-сипи-сипи*, *сипука сипи-сипи сипи-сипи*, *сипука сипи сипи сипи* (Рах), *сип-сип-сип-сип*, *сип-сип-сип-сип* (Яс).

Преобладающее большинство приведенных подымяний — имитативно-волевыражающие, подражающие голосу цыпленка или птицы: *сип*, *сипи*, *сип*, *сип*, *сип* (EtSz VII 1015: *сипе*; 1041: *сипи*; 1107: *сипука*; TESz I 519: *сипи*; 521: *сипука*). Сюда относятся суффиксальные образования *сипи*, *сипи*, *сип*, *сипукак*, *сипи* (см. об этом ниже).

-сип — по всей вероятности, заимствовано из закарпатско-укр. *сип-сип-сип* то же. Об этом свидетельствует и глагол *сипити* 'шептать (о шип-

¹ См.: P. A. Székely, *Nyelvi emlékek a magyar nyelv történelméről* — KK 1892, стр. 267–270; L. Balogh, *Az udvardiszlók és a magyar nyelv történelméről* — Nyelvtudományi Értekezések 28, Budapest 1907, стр. 338–339; L. Balogh, L. Kiss, *Egy magyar néprajzi regionális nyelvészeti tanulmány* — NYM 1911, стр. 491–501; J. Hubert Schmid, *Handznamen und Lokale als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen* — Vox Romaniae 14, Nr. 1, Bera 1964, стр. 184–202; J. Kelemen, *A magyar nyelv történelméről*, Budapest 1978.